

Elena Mikhailik
Warszawa

Русский язык в воспоминаниях поляков, сосланных на территорию современного Пермского края в 1940-х годах (на материале выбранных воспоминаний)*

Проблема взаимодействия русской и польской культур неоднократно становилась предметом научного осмысления, можно говорить о складывании особого направления в науке, в рамках которого рассматриваются самые разные аспекты этого взаимодействия, начиная от вопросов экономического взаимовлияния и заканчивая проблемами языковых заимствований. Вместе с тем на этом уже, казалось бы, хорошо освоенном пространстве двустороннего научного сотрудничества продолжают сохраняться свои лакуны. Одной из таких наиболее острых, болезненных, а вместе с тем мало исследованных тем в истории польско-российских взаимоотношений была и остается тема сталинских репрессий, в результате которых сотни тысяч поляков были изгнаны из своих домов и насильно вывезены вглубь СССР, что сопровождалось их массовой гибелью. К сожалению, приходится признать, что воспоминания, созданные поляками, побывавшими в советских лагерях и спецпоселения, достаточно редко становятся объектом изучения российских специалистов, тогда как данный материал представляет для отечественного исследователя несомненный интерес, в том числе и потому, что позволяет реконструировать самосознание Инокультуры, даёт уникальную возможность посмотреть на себя глазами Другого.

Одним из ключевых компонентов, составляющих образ Другого, является язык, на котором он говорит. Чужой язык выступает как одно из наиболее бесспорных свидетельств инаковости и чуждости Другого. Проблема роли и функций русского языка в текстах, созданных польскими ссыльными, уже поднималась исследователями. В частности, В.Я. Тихомирова в своих статьях¹ рассматривает вопрос о функциях русского языка в т.н. лагерной прозе. В качестве материалов исследования В.Я. Тихомирова использует созданные в 1940–50-х гг. тексты

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 12-14-59004а/У.

¹ См. В.Я. Тихомирова, *Русская/ советская культура в польском восприятии: интерпретация лагерной прозы*, Русская культура в польском сознании, Москва 2009, с. 233–244; eadem, *Русские заимствования и этнический стереотип в польской лагерной прозе*, [в:] *Studia Polonica. K 70-letiu В.А. Хорева*, Москва 2002, с. 434–446.

М. Ваньковича, Б. Обертыньской, Г. Херлинга-Грудзиньского и др., считающиеся на сегодняшний день классикой польской лагерной прозы.

В то же время проблема восприятия русского языка польскими ссыльными, в текстах воспоминаний, созданных в 1990–2000-х гг., не становилась ранее, по всей видимости, предметом специального рассмотрения. В качестве материала данного исследования были использованы три книги мемуаров, посвященных уральской ссылке и опубликованных в 2000-е гг.: воспоминания В. Корча, *Moje jedno dziecięciolecie 1939–1948. Droga przez lagry* (2002), Ю. Данеля, *Podęptane dzieciństwo* (2006), С. Кулона, *Z ziemi polskiej do Polski* (2008), – а также ряд текстов воспоминаний ссыльных, написанных в 1990–2000-е гг. и хранящихся в архивах польской организации „Karta”, как то: воспоминания Л. Кожуха², Ю. Куртыки,³ В. Микши⁴, К. Ожеховской-Юзьвенко⁵, Б. Паствиньской⁶, Л. Тшнадель⁷, А. Шчепановской⁸.

Большинство этих текстов принадлежат полякам, депортированным в феврале 1940-го г. на территорию современного Пермского края из восточных районов довоенного польского государства и в 1946–1947 гг. возвратившихся на родину. В то время как воспоминания В. Корча и Л. Тшнадель представляют точку зрения поляков, осужденных за участие в деятельности польского антифашистского подполья и оказавшихся в пермских лагерях уже по окончании Второй мировой войны в 1946-м г.

Рассматриваемые тексты существенно разнятся один от другого и объемом, и уровнем художественной обработки, и социальной принадлежностью их авторов, но вместе с тем они содержат определенное количество повторяющихся элементов, с помощью которых становится возможным реконструировать восприятие ссыльными тех или иных аспектов советской/российской культуры.

Так, во всех рассмотренных текстах воспоминаний одним из основополагающих оказывается конфликт „своего” (польского) и „чужого” (советского/российского), где „свое” воспринимается как желанное и спасительное, тогда как „чужое” трактуется как враждебное, губительное, ненавистное. В исследованиях В.Я. Тихомировой также отмечена ключевая роль указанного конфликта в лагерной прозе 40–50-х гг. По словам исследователя, „анализ текстов показывает, что этническое самосознание поляков, вырванных из привычного мира и брошенных в иную реальность, консервируется и герметизируется. В нём происходит резкий разрыв между «своим» и «чужим»»⁹. Конфликт „свой–чужой” находит воплощение и в столкновении двух языков: польского и русского.

В статье *Syberia w oczach polskich zesłańców z lat II wojny światowej* профессор С. Чешельский указывает, что в восприятии поляков, сосланных в 1940-х гг.

² Archiwum Wschodnie Ośrodka Karta (= AWO Karta), *Wspomnienia Ludwika Kozucha*, sygn. ZS 152.

³ AWO Karta, *Wspomnienia Józefa Kurtyki*, sygn. ZS 1040.

⁴ AWO Karta, *Wspomnienia Walerii Mikszy*, sygn. ZS 1077.

⁵ AWO Karta, *Wspomnienia Krystyny Orzechowskiej-Juzwenko*, sygn. AW II/679.

⁶ AWO Karta, *Wspomnienia Bronisławy Pastwińskiej*, sygn. ZS 1133.

⁷ AWO Karta, *Wspomnienia Leokadii Trznadel*, sygn. AW I/833.

⁸ AWO Karta, *Wspomnienia Anny Szczepanowskiej*, sygn. AW II/2278.

⁹ В.Я. Тихомирова, *Русская/ советская культура в польском восприятии...*, с. 234.

на территорию СССР, условная (не географическая) „Сибирь” была прежде всего пространством неволи и страдания¹⁰. Можно сказать, что и русский язык в первую очередь был языком неволи, страдания и, кроме того, языком врага, – большинство источников фиксируют негативное в большей или меньшей степени отношение к русскому языку, нежелание его учить и т.п. Например, С. Кулон в своих воспоминаниях замечает: „Jedynym przedmiotem, który lubilem, był rysunek... O dziwo, nieźle szła mi matematyka; najtrudniej było z rosyjskim i historią ZSSR [...]”¹¹. Характерно, что русский язык оказывается в одном ряду с историей СССР, предметом насковзь пропитанном коммунистической идеологией, к которой автор относится резко негативно. Он же признается, что: „Rodzice specjalnie mnie nie przynaglali do ruskogo jazyka”¹². В мемуарах В. Корча русский язык назван ненавистным (в оригинале „znieawidzony język”¹³) и языком врага (в оригинале „język moich wrogów”¹⁴), неоднократно упоминается о категорическом нежелании большинства поляков с ним знакомиться.

Причин подобного отношения к русскому языку было несколько. Некоторые из них лежат на поверхности и им можно дать психологическое объяснение: вполне естественной была острая неприязнь польских спецпереселенцев и узников лагерей к русским, которые, в их глазах оказывались в первую очередь захватчиками, оккупантами, осуществлявшими в отношении них насилие. Кроме того, тяжелейшие бытовые условия, в которых оказывались ссыльные, находившиеся в пермских лагерях и спецпоселениях, также не способствовали формированию симпатии по отношению к СССР и его государственному языку.

В то же время существовали причины и более глубокие, как, например, страх перед утратой национальной идентичности, растворением в безликой массе „советского народа” и как результат потеря связи с Польшей, с традиционными культурными ценностями, составляющими ядро понятия „польскость”. Так, например, Б. Паствиньская пишет следующее: „Chodziliśmy więc razem ze Stasiem [двоюродным братом автора – прим. Е.М.] do przedszkola. Rodzice i Ciocia zdawali sobie sprawę z tego, że w placówkach tych jesteśmy poddawani sowietyzacji, ale głód i zimno było gorsze”¹⁵. Ю. Данель в своей книге мемуаров также отмечает, что его родители осознавали угрозу русификации, которая была неизбежным следствием пребывания мальчика в советском детском саду, но в то же время насущная необходимость обеспечивать единственного оставшегося в живых ребенка горячим питанием вынуждала их с этой ситуацией мириться: „Z braku opieki, oboje rodzice pracowali, chodziłem z innymi polskimi dziećmi do rosyjskiego przedszkola – «dietsadu» w Galaszorze. Jak wspominał później ojciec, rodzice liczyli się z rusyfikacją, ale

¹⁰ S. Ciesielski, *Syberia w oczach polskich zesłańców z lat II wojny światowej*, [В:] *Syberia w historii i kulturze narodu polskiego*, Wrocław 1998, с. 383–397.

¹¹ S. Kulon, *Z ziemi polskiej do Polski. Wspomnienia 1939–1958*, PIW, Warszawa 2008, с. 74.

¹² Ibidem, с. 52.

¹³ J. Korcz-Dziadosz, *Życie z sensem*, Muzeum Ziemi Lubuskiej, Zielona Góra 2002, с. 74.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ AWO Karta, *Wspomnienia Bronisławy Pastwińskiej*, sygn. ZS 1133, с. 19.

„fachowa” opieka a szczególnie jeden ciepły posiłek dziennie, zaważyły na tej decyzji”¹⁶. Вместе с тем ежедневное посещение детского сада, где польский мальчик получал свою порцию «советского воспитания», приносило плоды и приводило к трагикомическим ситуациям, вызванным взаимным антагонизмом польской и советской культур: „Uczono nas także wierszyków i znanych rosyjskich piosenek np. *Wołga, Wołga mat' rodnaja, Rascwietali jabłoni i gruszi* – Katusza, no i oczywiście *Sziraka strana maja rodnaja*... i innych mniej znanych, ale bolesnych dla każdego Polaka piosenek, które ubliżały naszej godności narodowej: a między innymi *Pomniat psy atamany, pomniat polskije pany, kak pabiedili nasi druzja* lub *Komsamolcy mołodcy z bolszymi sztykami, Polaki duraki z gołymi rukami*... Wróciwszy do domu śpiewałem je rodzicom, nie znajdowałem ich uznania, a wydawało się mi, że śpiewałem ładnie”¹⁷.

Ещё одним фактором, усиливавшим нежелание польских ссыльных знакомиться с русским языком и русской культурой, было отношение к депортированным местного населения, в отдельных случаях воспринимавшего поляков с настороженностью или даже враждебностью. Так, например, К. Ожеховска-Юзьвенко отмечает: „jak pamiętam – panowały wśród ludności rosyjskiej nastroje antypolskie. Przezywano nas, dzieci chodzące do szkoły, różnymi przezwiskami z racji naszego polskiego pochodzenia, traktowano nas jako mieszkańców najgorszej kategorii”¹⁸.

Справедливости ради следует отметить, что далеко не всегда местные жители выражали по отношению к ссыльным неприязнь¹⁹. Тем не менее, нет ничего удивительного, что в сложной, с разных точек зрения, ситуации поляки стремились отгородиться от чуждой им культуры в том числе и с помощью языковых барьеров, тогда как возможность общаться на родном для них польском языке воспринималась как огромная радость. Например, в воспоминаниях А. Щепановской регулярно появляется мотив тоски по родному языку и общению на нем: „Dobry duch mnie tutaj skierował, bo w tym miasteczku Krasnoufimsk było sporo Polaków [...]. To była jedyna radość, bo poza tym nic co polskie, ani książek, ani gazet, ani polskiego języka”²⁰. В воспоминаниях Л. Тшнадель описывается трогательная сцена: в соликамском лагере к группе поляков, говорящих на польском языке, подходит пожилой мужчина и просит разрешения поговорить с ними по-польски. Оказывается, что он поляк, сражавшийся ещё в легионах Пилсудского, затем приехавший учиться и работать в Ленинград и вот уже почти десять лет отбывающий срок в советском лагере²¹.

¹⁶ AWO Karta, *Wspomnienia Daniela Józefa*, sygn. AW II/1916, c. 28.

¹⁷ Ibidem, c. 39.

¹⁸ AWO Karta, *Wspomnienia Krystyny Orzechowskiej-Juzwenko*, sygn. AW II/ 679, c. 5.

¹⁹ Например, в воспоминаниях В. Микши упоминается большой интерес, который проявляли местные жители к польским религиозным обрядам и песнопениям: „Modlić się głośno i śpiewać pieśni religijne nie było wolno. Gdy ktoś z nadzoru to usłyszał, natychmiast zjawiał się enkawudzista i zabraniał. Ale gdy ich nie było to chętnie przychodzili pod nasze baraki i słuchali jak my śpiewamy pieśni religijne”, AWO Karta, *Wspomnienia Walerii Mikszy*, sygn. ZS 1077, c. 4.

²⁰ А. Szczepanowska, *Wyrwana z normalności*, [online] <http://www.zlotystok.pl/asp/pliki/pobierz/wspomnienia_z_syberi_poprawianw_03_06_2011.pdf>.

²¹ AWO Karta, *Wspomnienia Leokadii Trznadel*, sygn. AW I/833, c. 23.

Несмотря на сложное отношение поляков, переживших ссылку, к русскому языку, в своих воспоминаниях они используют его весьма охотно. Все без исключения рассмотренные источники содержат русскую лексику, что объясняется, по всей видимости, стремлением авторов придать повествованию достоверный, документальный характер, по возможности точно передать „атмосферу” ссылки.

В разных текстах воспоминаний количество и характер используемой русской лексики существенно различаются. Например, в воспоминаниях Ю. Куртыки русские слова присутствуют в минимальном объеме, хотя описание пребывания его и его семьи в Юрлинском районе Пермского края весьма подробны и занимают около 40 страниц машинописного текста, тогда как в мемуарах Ю. Данеля и С. Кулона русская лексика представлена очень широко. Специфическая лагерная лексика и жаргон встречаются главным образом в воспоминаниях В. Корча и Л. Тшнадель, поскольку они находились в лагере, а не являлись спецпереселенцами, как авторы других воспоминаний. Кроме того, у В. Корча встречаются многочисленные примеры нецензурных русских слов и выражений, тогда как в других рассматриваемых источниках подобные примеры отсутствуют. Ю. Данель в своих воспоминаниях сознательно стремится привести как можно больше примеров разнообразной русской лексики, описывающей быт спецпереселенцев. У него, например, можно обнаружить целые перечни русских слов, обозначающих названия различных блюд, видов одежды, явлений природы, причем не только общелитературных, но и региональных. Эта тщательная фиксация деталей придает особую ценность воспоминаниям, в тексте которых рефлексия и обобщения соседствуют с этнографической точностью наблюдений, желанием передать не только атмосферу советской ссылки вообще, но и индивидуальные черты уральской земли и населяющих её людей.

В то же время принципы введения русской речи в ткань повествования у разных авторов обнаруживают немало общего. Так, в текстах воспоминаний прямая русская речь часто несет тот или иной негативный посыл, это могут быть угрозы, запреты, приказы: „Diesiatnik szarpnął mnie, zdzielił swoją potężną łapą po karku, zaczął wyjmować zza pasa nagan i wrzeszczeć: «Ubiju jak sobaku!»”²². „W tym momencie rozległ się głośny rozkaz: «czewo smatrisz, golowa w niz»”²³. „Padało polecenie – «zapreszajetsja piet’ i molitsa pa polski»”²⁴.

Отдельные особо значимые фразы на русском языке, обращенные к полякам, незначительно варьируясь, повторяются в разных текстах воспоминаний. Например, сравните в мемуарах С. Кулона: „Po chwili namysłu z lekkim ironicznym uśmiechem lejtnant oświadczył: «Polszy uże niet, a ty nie Polak»”²⁵. В воспоминаниях Ю. Данеля: „Wyrażali się «wy nikuda nie ujedzietie, wam zdzieś żyt’ i pomirat’, Polszi nie było i nie budziet, wam nużno rabotat’ i żyt’ s nami»”²⁶. У Л. Кожуха: „Komendant obozu «Zotin» przygnębia nas swoją mową [...] «wy płocho rabotacie, bo wy dumaite

²² Ibidem, c. 59.

²³ J. Korcz-Dziadosz, op. cit., c. 59.

²⁴ AWO Karta, Wspomnienia *Daniela Józefa*, sygn. AW II/1916, c. 22.

²⁵ S. Kulon, op. cit., c. 87.

²⁶ AWO Karta, *Wspomnienia Daniela Józefa*, sygn. AW II/1916, c. 23.

o Polsce, Polsce bolsze nie budziet [...] Zdieś budiotie żyć i zdieś budiotie pomerać tu wasze miasto»²⁷.

Кроме того, передавая русскую речь, авторы воспоминаний нередко используют стилистически окрашенные глаголы *wrzeszczać* („bojcy wrzeszczeli na nas po rusku”²⁸), *warknąć* („Po chwili desiatnik podszedł, warknął...”²⁹), *ryknąć* („Nadbiegł rozwścieczony [...] brygadier «konowozczyków» i ryknął «job waszu mat’, kak stroite dorogu»³⁰), *wysyczeć* („Naczelnik popatrzył na mnie jak na obrzydliwego płaza i z obrzydzeniem wysyczał: «idi ty na huj»”³¹).

Необходимо подчеркнуть, что негативные коннотации в связи с русским языком, появляются прежде всего в тех случаях, когда в качестве субъекта говорения выступает тот или иной представитель широко понятой советской „власти”, тогда как из уст обычных людей в адрес ссыльных иногда слышатся слова поддержки и ободрения: „Wspominaliśmy okrutne czasy, na które przypadło nasze dzieciństwo, i jedyne dobre słowa, jakie wtedy słyszeliśmy, były od pani doktor. Tak wiele znaczyło dla nas, kiedy mówiła: «Niczego, niczego, budiet charaszo»”³².

Значимо, что в рассматриваемых текстах воспоминаний русский язык практически никогда не является языком т.н. „высокой” культуры и литературы, тогда как в польской лагерной прозе, созданной в 1940–50-е гг. по наблюдениям В.Я. Тихомировой, русская классика представлена очень широко³³. Возможно, эта разница объясняется тем, что многие из взятых в качестве материала для анализа текстов воспоминаний создавались авторами, пережившими ссылку в очень юном возрасте и не накопившими к тому моменту достаточного культурного багажа, чтобы иметь возможность подвергнуть анализу явления культуры, с которыми им пришлось столкнуться. Не следует забывать и о том, что сами условия, в которых находились депортированные и заключенные, существенно ограничивали возможности приобщения к российской литературе.

Единственным исключением в этом отношении являются воспоминания В. Корча, который попал в пермские лагеря, будучи взрослым, образованным человеком и для которого русский язык и русская литература стали средством преодоления духовной изоляции, способом вырваться из ужаса лагерной повседневности. Оказавшись в уральском лагере, Корч, несмотря на голод и лишения, находит в себе силы знакомиться с иной культурой, учить новый язык: „Zaszedłem do «K-WE-Cze» i wypożyczyłem książkę w języku rosyjskim. Języka tego nie znałem, ale znałem język ukraiński, którego uczono mnie w naszych szkołach”³⁴. Следует отметить, что, судя по всему, пример Владислава Корча можно отнести к уникальным, поскольку, по

²⁷ AWO Karta, *Wspomnienia Ludwika Kozucha*, sygn. ZS 152, c. 6.

²⁸ S. Kulon, op. cit., c. 32.

²⁹ Ibidem, c. 59.

³⁰ J. Korcz-Dziadosz, op. cit., c. 85.

³¹ Ibidem.

³² S. Kulon, op. cit., c. 77.

³³ В.Я. Тихомирова, *Русская/советская культура в польском восприятии...*, c. 241.

³⁴ J. Korcz-Dziadosz, op. cit., c. 74.

его собственным свидетельствам, никто из поляков, пребывавших с ним в лагере не пожелал последовать его примеру: „W mojej akcji językoznawczej byłem zupełnie osamotniony, jakoś nikt nie chciał mnie naśladować”³⁵. Более того, многими соотечественниками действия Корча были восприняты едва ли не как предательство и переход на сторону „врага”: „[...] koledzy moi wyrażali wobec mnie najdalej idącą dezaprobatę, dziwiąc się moim chęciom zaznajomienia się z tym znieawidzonym językiem”³⁶. Сам Корч проводит разграничение между русским языком классической литературы и языком современной ему советской лагерной действительности, отмечая, что „nawet w ohydnej atmosferze łagrowej można odkrywać piękno zawarte w książkach takiego właśnie pisarza jak Gorki, a język, jakim posługiwał się Gorki, ma niewiele wspólnego z plugawym językiem, jaki na co dzień słyszymy w łagrze”³⁷. Однако даже находясь под сильным впечатлением от красоты русской литературы и языка, на котором эта литература создавалась, Корч всё же подчеркивает, что русский язык для него – язык врага, научиться которому необходимо именно для того, чтобы этого врага лучше понимать: „[...] wychodziłem bowiem z założenia, że jeśli zaistniała okazja to trzeba się nauczyć języka moich wrogów, by ich lepej poznać i zrozumieć”³⁸.

Подводя итоги, отметим, что в значительной части отношение к советской/российской культуре в воспоминаниях поляков, созданных в 1990–2000-е годы, сохранилось в неизменном состоянии по сравнению с воспоминаниями, написанными в 40–50-х гг., и не будет, вероятно, преувеличением заметить, что оно во многом сформировалось под их воздействием³⁹. Это наглядно демонстрирует, в том числе, и анализ восприятия польскими ссыльными русского языка как одного из центральных компонентов советской/российской культуры. В позднейших воспоминаниях сохраняется значение основополагающего конфликта „своего–чужого”, который, как отмечает В.Я. Тихомирова, предусматривал полное отвержение новой советской культуры, включая её язык, но в то же время оставлял возможность для приятия культуры „высокой”⁴⁰. В воспоминаниях поляков, сосланных на Урал, в ряде случаев обнаруживается то же разделение понятий „советское” и „российское”, какое имеет место, например, у Витлина и Херлинга-Грудзиньского. В целом можно утверждать, что рассмотренные тексты в своих основных чертах, в том числе в принципах изображения русского языка и культуры, следуют сложившимся на сегодняшний день в польской мемуаристике канонам изображения советской ссылки.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Присутствие во многих воспоминаниях, созданных в 90–2000-е гг., скрытых и явных цитат из ставших уже хрестоматийными текстов Ю. Чапского, Б. Обертыньской, Г. Херлинга-Грудзиньского и др., позволяет предполагать, что авторы позднейших воспоминаний не просто хорошо знали лагерную прозу 40–50-х гг., но и в значительной степени брали её за литературный образец.

⁴⁰ В.Я. Тихомирова, *Русская/советская культура в польском восприятии...*, с. 242.

Streszczenie

Język rosyjski we wspomnieniach Polaków, zesłanych na terytorium obecnego Kraju Permskiego w latach 40. XX wieku (na podstawie wybranych wspomnień)

Artykuł poświęcony jest zagadnieniu recepcji języka rosyjskiego przez Polaków, którzy w latach 40. XX wieku znaleźli się na terytorium obecnego Kraju Permskiego w wyniku masowych deportacji, a także żołnierzy Armii Krajowej aresztowanych i uwięzionych w permskich łagrach w ramach represji. Analiza tekstów wspomnień pozwala stwierdzić, że język rosyjski stanowił dla omawianej grupy przede wszystkim język wroga i niewoli, a także narzędzie propagandy i przymusowej rusyfikacji. W niektórych tekstach język rosyjski okazuje się jednak jedynym medium umożliwiającym kontakt z kulturą i literaturą pozwalającą przezwyciężyć duchową izolację, w jakiej znaleźli się zesłańcy.

Summary

Russian language in the memories of the Poles deported to the territory of the present-day Perm region in the 1940th (based on selected memories)

The article deals with the problems of perceiving Russian language by the Poles deported during 1940th to the territory of the present-day Perm region as a result of mass deportations, as well as those arrested for taking part in the so called “anti-Soviet” activities and serving time in the camps of Perm region. While analyzing the texts of exiles’ memories the author comes to the conclusion that the Russian language for those Poles who survived through exposure to the Urals, is in the first place the language of enemy and captivity and serves as an instrument of propaganda and forced Russification. At the same time in some of the exiles’ memories studying of the Russian language is the only way to interact with the culture and literature which makes it easier to endure their spiritual isolation.

Keys: Perm; Poles; deportation; memories; Russian language.